

И. Л. МАЯК*

АГРАРНЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТ СПУРИЯ КАССИЯ

Аграрная рогация Кассия кажется банальной темой. Едва ли не в каждой работе о раннереспубликанском Риме о ней упоминают, независимо от оценки ее достоверности. Поэтому остановимся только на наиболее значимых или наиболее характерных трудах.

Начнем, естественно, с Б. Г. Нибура, основоположника научного источниковедения, а значит, и исследования Рима в Новое время. Его фундаментальный труд «Римская история»¹ охватывает период от доромулова Рима вплоть до конца III в. до н. э., т. е. как раз раннюю историю Вечного Города и Италии. В книге содержится важный материал, посвященный разным формам римского землевладения, общественного и частного, их генезису и различным видам использования земли. Без учета этих соображений Нибура трудно понять всю последующую борьбу за землю в Риме и выступление Сп. Кассия. В связи с формами собственности Б. Г. Нибур рассматривает и проблему патрициев и плебеев, их происхождение и место в обществе. Именно он ясно показывает, что частная земельная собственность развивалась в плебейской среде с правления Сервия Туллия. Нибур делает важные источниковедческие замечания: Дионисий Галикарнасский часто не различает народ = *populus* и *plebs*², поскольку в родной для него греческой среде существовало лишь одно народное собрание, а у римлян ранней Республики были и народные комиции и плебейские сходки, не совпадающие ни по составу, ни по функциям. Для проникновения в суть римской реальности ученый считает нужным использовать более позднего автора, Диона Кассия, который явно отличал *δῆμος* (народ = *populus*) от *πλήθος* (плебс). Дион почерпнул эти сведения у Диодора Сицилийского, который в свою очередь мог получить их только от римского анналиста Фабия Пиктора, потому что другого автора, писавшего тогда о Риме на греческом языке, не было (с. 447., прим. 366). На этом основании Нибур приходит к заключению о том, что и рассказ о Сп. Кассии – поздний. Однако он не отрицает историчности героя и противостояния не только патрициев и плебеев, но и фракций родов внутри патрициата. Не отрицает Нибур и возможности аграрной рогации, и стремления Кассия в сложившихся условиях захватить власть для ее осуществления, и мести патрицианской верхушки в отношении его потомков. Именно последним объясняет ученый исчезновение патрицианской ветви Кассиев в Риме. Подчеркну, однако, свойственную великому ученому осторожность. Он не утверждает, а допускает, говорит о вероятности, возможности событий ранней римской истории.

Нельзя обойти вниманием мнение другого величайшего историка и правоведа, Т. Моммзена. Аграрного законопроекта Сп. Кассия он коснулся и в специальной работе³

---

* Маяк Ия Леонидовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, известнейший специалист в области истории древнейшего Римского государства.

¹ *Niebuhr B. G. Römische Geschichte*. 3 ed. Berl., 1953.

² Справедливости ради надо заметить, что иногда, наоборот, греческая социальная практика подталкивает Дионисия к различению народа и плебса. См.: *Маяк И. Л. Римские древности Дионисия Галикарнасского // Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Т. 3. М., 2005. С. 234–269.*

³ *Mommsen T. Sp. Cassius. M. Manlius. Sp. Melius, drei Demagogen der älteren republikanischen zeit // Römische Forschungen. B. 2. B., 1879.*

и в знаменитой «Римской истории»⁴, переведенной на многие языки, в том числе и на русский язык. В исследовательской статье Т. Моммзен не случайно объединял Сп. Кассия под именем демагога⁵ с М. Манлием Капитолийским и Сп. Мелием, действовавшими революционно и за это казненными. С его легкой руки такое общее их рассмотрение в последующей историографии не раз повторялось.

Т. Моммзен начал свое исследование с признания рассказа о Сп. Кассии в основных чертах достоверным. Доказательством этого он счел упоминание его имени и деяний в документальных материалах античности – в консульских фестах и в римско-латинском договоре (493 г. до н. э.) его имени (*Foedus Cassianum*). Вместе с тем ученый отметил наличие позднейших добавлений в античную традицию, которые необходимо отделить от добротной ее первоосновы⁶ и устранить неточность некоторых деталей. Так, например, освящение храма Цереры и заключение союзного договора Кассием действительно имело место, но их датировки не точны.

Сообщения Ливия и особенно Дионисия об аграрном законопроекте Сп. Кассия вызывают у Моммзена сомнения. Ведь ни один более древний писатель ничего о нем не знает. Сохранившиеся рассказы, видимо, зиждутся на каком-то близкородственном источнике, отсюда их близость, неясности и абсурдное «открытие» невероятного дара союзникам. Если победа Кассия над герниками и его триумф – правда, то аграрный закон – это политически тенденциозная фальсификация. Аграрные движения I в. до н. э., согласно Моммзену, перемещены в V в. до н. э., и в конечном счете в древности отражены события, связанные с Гаем Гракхом и с Союзнической войной, с необходимостью предоставить прежде всего латинам полные права римского гражданства. Таким образом, резюмирует ученый, весь рассказ даже более позднего происхождения, чем катастрофа Гая Гракха, а катастрофа Сп. Кассия «пристегнута» к его аграрному закону. Значит, здесь видна анналистика сулланского времени. Отметим, кстати, что эти положения Моммзена были усвоены последующей историографией и стимулировали развитие гиперкритицизма.

Дополнительную аргументацию своей точки зрения Т. Моммзен усматривает в деталях, связанных с историей Сп. Кассия, а именно в судьбе изображавшей его статуи, поставленной им во дворе своего дома и переплавленной после его казни. Дело в том, что сюжет содержится в «Естественной истории» Плиния Старшего, который сослался на анналиста Л. Кальпурния Пизона Фурги, консула 133 г. до н. э., поклонника старины и яркого противника Гая Гракха. Ссылка на этого анналиста, согласно Моммзену, объясняет путаницу показаний Плиния и недостоверность его сообщений как вообще исходящих от младших анналистов. Валерия Анциата он даже называет великим отцом лжи. Надо заметить, что эти негативные характеристики стали достоянием науки и продолжают повторяться. Все данные об аграрном законе, заявленном Кассием, введены, по Моммзену, в историю только для объяснения того, что героя осудили на казнь⁷, истинная мотивация которой не известна. Таким образом, пойдя за Нибуром в тщательном анализе античной традиции, Т. Моммзен довел ее критику до отрицания достоверности в части, касающейся аграрной реформы Кассия.

Т. Моммзен⁸ упоминает Сп. Кассия в своей знаменитой «Истории Рима», но в связи с политической борьбой партий начала республиканской эпохи. Научно-популярный характер книги избавлял его от источниковедческих тонкостей. Впрочем, надо заметить,

⁴ Моммзен Т. История Рима. М., 1936.

⁵ В современном значении слова, т. е. с одиозным оттенком.

⁶ Это, по мысли ученого, ценно не только для восстановления римской анналистики, но и для созидания позитивной истории (*Mommsen T. Sp. Cassius... S. 156*).

⁷ Впрочем, версии, в которых излагаются обстоятельства суда над Кассием, будь то народный или домашний суд, по мнению Моммзена, грешат противоречиями с нормами римского права. См. *Ibid. S. 173–175*.

⁸ Моммзен Т. История Рима. Т. I. С. 265.

огромный опыт Моммзена все-таки отводил его от скептицизма в отношении к источникам, как это видно по «Римскому государственному праву»⁹. Он говорит, что Сп. Кассий попытался сокрушить финансовое могущество богатых людей. Моммзен отмечает, что, после двух триумфов и третий раз будучи консулом, Кассий предложил распорядиться общественными землями: во-первых, измерить их, а затем частично сдать в аренду в пользу государственной казны, частично же – разделить между нуждающимися. Сторону Кассия приняли богатые плебеи, но знать и простонародье были недовольны тем, что консул хотел предоставить землю не только римлянам, но и латинским союзникам. При этом Т. Моммзен признавал, что последнее сообразовывалось с союзным правом и справедливостью. Таким образом, ученый как правовед, вслед за Б. Г. Нибуром, обратил внимание на аграрный закон Сп. Кассия, выражаясь современным языком, в аспекте международного права. Заметим также, что Моммзен не отрицал историчности героя, полагая правдивым его стремление к царской власти. Достоверность сведений о военных деяниях Сп. Кассия он выразил также в главе V своей «Истории Рима», посвященной покорению Римом Лация¹⁰. Итак, Т. Моммзен в обобщающем и заключительном труде подобно Нибуру не отрицал достоверности предложения Сп. Кассия об аграрном законе, однако лишь в той части, что касалась плебеев и латинских союзников, но не герников.

Мы остановились на общей концепции двух замечательных исследователей и на их методических принципах, потому что их работы оказали решающее воздействие на последующие поколения ученых, вплоть до настоящего времени. Напомню, что на протяжении XIX–XX вв. одни историки твердо следовали критическому методу Б. Г. Нибура, а другие углубляли и усиливали критический анализ античных текстов, говорящих об истории раннего Рима, вплоть до отказа от изучения ее, повторяя сомнения Э. Пайса в возможности постичь историческую истину и утверждения К. Ю. Белоха о полной недостоверности истории Рима до III в. до н. э.

Назовем характерные работы конца XIX – начала XX в., касавшиеся Сп. Кассия: во-первых «Очерк римской истории и источниковедения», написанный Б. Низе и вышедший в переводе на русский язык Ф. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева в 1899 г. Книга обратила на себя внимание русского читателя не случайно. Б. Низе в источниковедческом плане следует за Б. Г. Нибуром, подчеркивая стремление старшего мэтра воссоздать правдивую картину римской истории. Сам же он с исключительной осторожностью отнесся к римским преданиям. Его интерес лежит в области политической истории, но он не обходит молчанием патрицианско-плебейскую борьбу. Сп. Кассия Низе называет однажды в связи с «баснословной битвой» у Регильского озера, после чего Сп. Кассий заключил договор между Римом и латинским союзом, пункты которого ученый восстанавливает¹¹. Но об аграрном законопроекте Кассия в книге нет ни слова.

Другой знаковой работой начала XX в. являлась «История Римской республики» К. Нича, также переведенная на русский язык¹². Следуя за Нибуром, К. Нич не сомневается в реальности личности Сп. Кассия; считает, что он заключил союз с латинами непосредственно после плебейской сецессии, а через 7 лет – и с герниками. Ученый отмечает однозначность сообщений античных авторов о Сп. Кассии, которые расходятся только в вопросе о том, как был казнен этот деятель. К. Ничу принадлежит мысль о том, что связь, соединявшая некогда плебеев и патрициев, распалась и последние начали искать опору в латинах и герниках. Сп. Кассий, по мнению К. Нича, был представителем этой политики и, таким образом, погиб в борьбе с плебеями. Значит, он был вождем патрициата, а не плебса¹³.

⁹ Mommsen T. Römische Staatsrecht. T. I–III. Leipzig, 1887.

¹⁰ Моммзен Т. История Рима. С. 321.

¹¹ Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1899. С. 31–32.

¹² Нич К. История Римской республики. М., 1908.

¹³ Нич К. Указ. соч. С. 65; 69.

Наши отечественные ученые конца XIX – начала XX в. следили за работами своих западных учителей и коллег. Наиболее талантливым последователем школы Нибура и проницательным исследователем римской традиции, как и памятников материальной культуры, был В. И. Модестов. Но его исследования распространялись на древнейший Рим, а не начало Республики. Большая же часть наших ученых пошла за гиперкритиками, причем их скептицизм в отношении античной традиции о ранней Республике постепенно нарастал и стал признаком «хорошего тона». Это ясно просматривается в специальных источниковедческих трудах. Так, в скрупулезном исследовании римской анналистики Г. Мартынова¹⁴, постоянно сомневающегося в данных Ливия, Сп. Кассий признан исторической личностью, но его аграрный закон отнесен к позднейшим интерполяциям.

В работе Н. И. Радцига, посвященной той же тематике, столь же тщательно изучается ливианская традиция. Ученый стремится освободить историю от всяческих прикрас и в духе Нибура выявить в ней достоверный материал. Вслед за Т. Моммзенем Н. И. Радциг¹⁵ объединяет рассказ о Сп. Кассии с рассказом о Сп. Мелии и М. Манлии и относит сообщения о них к «этиологической пластике». Но военные предприятия Кассия, участие его в заключении союзного договора с латинами и герниками считает имевшим место быть. Однако сущности аграрного закона Н. И. Радциг не касается.

И. В. Нетушил¹⁶, не чуждый гиперкритики, называвший времена начальной Республики полумифическими, тем не менее в историчности Сп. Кассия не сомневается, ограничиваясь, впрочем, этим представлением о нем.

В советской науке специальных работ, посвященных Сп. Кассию и даже аграрной истории ранней Республики, к сожалению, нет. Но авторы некоторых монографий откликнулись на вопрос о рогации Кассия. Так, А. И. Немировский¹⁷, касаясь вопроса о римской торговле VI–V вв. до н. э., отметил, что одновременно с построением храма Меркурия в Риме был якобы подписан договор римлян с латинами, в чем слышится нота сомнения в верности традиции. Однако в существовании аграрного законопроекта Сп. Кассия он сомнений не высказывает и рассматривает его в рамках плебейско-патрицианской борьбы. Будучи плебейским защитником, Кассий, по мнению ученого, думал не о царской власти, а об установлении порядков, схожих с афинскими при Писистрате.

В книге Ф. М. Нечая¹⁸, посвященной образованию римского государства, есть параграф, в котором рассматривается аграрный вопрос в Риме в первой половине V в. до н. э. в связи с римскими завоеваниями и расширением общественных земель. Сп. Кассий, действуя в духе предшествующих решений сената, в качестве консула предлагал разделить среди малоземельных надель, отнятые у герников и латинов. По мнению Ф. М. Нечая, Кассий учитывал интересы бедного крестьянства из граждан и союзников-латинян. За это патриции организовали его убийство.

Позднее в отечественной историографии Сп. Кассий специального интереса не вызывал. Но, несмотря на утверждение в науке принципов недоверия к традиции¹⁹, западные ученые XX – начала XXI в. не раз касались Сп. Кассия.

¹⁴ Мартынов Г. О начале римской летописи // Уч. записки Императорского Московского университета. Отд. истории и филологии. Вып. 32. М., 1904. С. 16, 31, 32, 36.

¹⁵ Радциг Н. И. Начало римской летописи // Там же. вып. 34. Москва, 1905. С. 3, 16–17, 33–34, 67, 106.

¹⁶ Нетушил И. В. Обзор римской истории. Харьков, 1912. С. 38–39, 41.

¹⁷ Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962. С. 227, 242; 243, 252–253.

¹⁸ Нечай Ф. М. Образование римского государства. Минск, 1972. С. 127–128.

¹⁹ Напомню лишь наиболее упорных поборников гиперкритики. Это Р. Вернер, опубликовавший в 1963 г. книгу под названием «Начало Римской республики», Й. Унгери-Штернберг, изучавший античную традицию о раннем Риме в работах 1988 и 1990 гг.

В 1983 г. вышла источниковедческая статья Л. Бессоне²⁰, в которой выясняются первоисточники сведений о двух Спуриях, Кассии и Мелии у поздних авторов, Флора и Ампелия. В центре внимания ученого – вопрос о казни названных персон. Причиной казни Сп. Кассия у обоих в конечном счете является *lex agraria*. Сведения об этом у обоих, Ампелия и Флора, идут от Ливия, однако у Флора – возможно, а у Ампелия вполне вероятно не непосредственно, а через перифохи.

Весьма полезной представляется статья Р. Ридли²¹, вышедшая в 2000 г. в журнале «Классическая филология». Она представляет собой построенный в хронологическом порядке краткий обзор литературы XVI–XVIII столетий о ранних римских аграрных отношениях и аграрной реформе Кассия. Очерк появился как отклик на работы А. Моммзена, отметившего заслуги Нибура перед современными историками Рима, особенно в области изучения римского землевладения, частных наделов и установления максимума в 500 югеров.

Среди множества трудов, в которых упоминался Сп. Кассий, Ридли выделяет Карла Сигония (XVI в.), уклончиво отозвавшегося о его *lex agraria*? полагая, что римский герой предложил поделить герникские земли между латинами и гражданами ради привлечения их симпатий. Среди ученых XVII в. Ридли называет издателя анналов Флемиша и каноника и историка Стефана Пиджа. В их издании 1615 г. говорится, что *lex Cassia* был первым аграрным законом о разделе общественных земель. Придворный историограф Сципион Дюпле заявил, что аграрный закон предполагал наделение земель, которая была общественной, но принадлежала знати (1638).

Далее в обзоре Р. Ридли называется работа конца XVII в., принадлежащая перу Лоренса Эхарда, богослова и модернизатора, бывшего невысокого мнения о Римской республике. Эхард заявил, что Кассий предложил разделить недавно завоеванную, а также общественную землю, оказавшуюся в руках богачей, среди людей «среднего сорта» или «средней судьбы». Р. Ридли отмечает, что революционным движениям и вообще Римской республике в XVIII в. было уделено много внимания во Франции. В том числе в 1719 г. появилась книга Рене Обера, аббата Верто, который констатировал, что Кассий требовал в первом аграрном законе вернуть землю, захваченную в частную собственность, в лоно общественной. В этом же духе вскоре высказались французы Франсуа Катру и Шарль Роллен. С амбициозной историей Рима от основания города до гибели Западной Римской империи выступил в 1769 г. ирландский физик Оливер Голдсмит, изобразивший «амбивалентного» Кассия, который, будучи консулом, решил распределить завоеванную землю среди плебеев. Затем Р. Ридли отмечает вышедшую в 1774 г. книгу Серрана де ля Тура «История римского трибуната. Его влияние на падение нравов», в которой Кассий обозначен как учредитель распределения земель. В 1783 г. шотландский историк и философ Адам Фергюсон отметил, что Сп. Кассий выразил недовольство римской практикой использования завоеванной земли, потому что она оказалась в руках богачей. Кажется, с сочувствием о предложенном Сп. Кассием равном распределении собственности, т. е. завоеванной земли, высказался в 1792 г. Чарльз Херрефорд. Тем не менее оно оказалось, по его наблюдению, неприемлемым.

Затем Ридли дает краткий обзор историографии XIX столетия. В 1808 г. вышла в свет «Критическая история Римской республики» Пьера Шарля Левека. По его мнению, Сп. Кассий добивался только раздела общественной земли, занятой богачами. Будучи трусливым, Кассий не покушался на их родовые имения. У Ридли содержатся также замечания о трудах Нибура и Моммзена. Но они касаются не их оценки Сп. Кассия, а представлений этих ученых о последующем аграрном законодательстве. Вместе с тем Р. Ридли, интересующийся судьбой аграрных законов, усматривает непонимание

²⁰ Bessone L. Spurio Cassio e Spurio Melio in Floro e in Ampelio // Rivista di filologia e d'Istruzione classica. T. III. 1983. P. 435–451.

²¹ Ridley R. Leges agrariae. Mythos Ancient and Modern // Classical Philology. 2000. Vol. 95. N. 4. Pp. 459–767.

Арнольдом Момильяно своих великих предшественников, Б. Г. Нибура и Т. Моммзена в вопросах о принципах римского землевладения.

Следует отметить одну из работ последнего времени, затронувшую вопрос о Кассиевом законопроекте неожиданным образом, – статью Александра Садджорно²². Он усмотрел сакральное значение римских хлебных раздач народу. Историческая память фиксировала их в Ювеналовой формуле «*panem et circenses*», но они были известны уже с начала Республики. К ним прибегают, по мнению Садджорно, и Сп. Кассий, предложив вернуть народу деньги за купленный сицилийский хлеб. Однако римляне отвергли дар вместе с аграрным законом, расценив их как плату за попытку установить царскую власть. Как видно, и личность Кассия, и его аграрная рогация под сомнение автором не поставлены.

Р. Линтотт²³ посвятил свою статью проблеме насилия в борьбе сословий в Риме на материале традиции о выступлениях Сп. Кассия, Сп. Мелия и М. Манлия Капитолийского. Не выражая категорического недоверия к источникам, Линтотт упоминает о законе о разделе земли, предложенном Сп. Кассием. Уступка в пользу латинов и герников оказалась, по мнению Линтотта, столь радикальной, что вызвала в Риме подозрение в намерении Кассия установить тиранию. Поэтому Кассий был обвинен и осужден на казнь своим отцом или народом.

Среди современных работ, касающихся интересующей нас темы, надо назвать еще «Критическую историю раннего Рима от доисторического времени до Первой Пунической войны» Гари Форсайта²⁴. Конечно, события, связанные со Спурием Кассием, занимают там ограниченное место, однако эта книга заслуживает внимания. Автор работает не только с сочинениями античных авторов, но в оценке их порой использует даже археологические свидетельства, что не свойственно, как правило, его современникам. Осуществляя в духе скептицизма описание битвы при Регилльском озере, которая закончилась якобы при вмешательстве Диоскуров, в честь которых в Риме был построен храм, ученый отмечает, что оно следовало за сообщением об аналогичных событиях борьбы между локрами и кротонцами в VI в. до н. э., завершившейся обетом также возвести храм. При этом Г. Форсайт указывает на то, что новые раскопки подтвердили, что святыня была воздвигнута в начале V в. до н. э. (с. 186). Вызывает уважение отсутствие категоричности в выводах ученого, полученных на основе разноречивых данных традиции. Форсайт не отрицает полностью ее достоверности, исключая некоторые детали. Исследователь склоняется к историчности Сп. Кассия, прежде всего исходя из историчности социального значения всадничества, что отразилось в том числе во введении в праздничное время праздника *transvectio equitum*²⁵.

Рассматривая события 486 г. до н. э., Форсайт, подобно классикам XIX в., замечает, что союз Рима с герниками был полезен и им и латинам, так что мог быть реальностью, в то время как аграрный законопроект Сп. Кассия не может считаться аутентичным. Вместе с тем ученый не отрицает стремления Кассия к тирании, как и прочих демагогов – Сп. Мелия и М. Манлия. Ученый аргументирует это тем фактом, что приход тиранов к власти в те времена неоднократно засвидетельствован в античном мире – у балканских, сицилийских и италийских греков, а также у этрусков. Значит, по мнению Форсайта, предание о названных героях существовало до Гракхов. Однако, вслед за учеными XIX в.,

²² Saggiorno A. Pane per il popolo. Aspetti sacrali di un alimento di base (da Roma arcaica alle frumentationes d'età imperiale // Revista da Ciencias de las Religiones. Anejos, 2004. XII. P. 109–122.

²³ Lintott R. La violenza nella lotta degli ordini // Terror et pavor. Violenza in timidazione, clandestinità nel mondo antico. Atti del Convegno internazionale cividale del Friuli 22–29 Settembre 2005. Pisa, 2006. P. 13–19.

²⁴ Forsythe G. A critical History of early Rome from Prehistory to the First Punic War. Berkley, Los Angeles, L., 2005.

²⁵ Праздник был введен либо консулом 493 г. Постумом, либо в 304 г. до н. э. Кв. Фабием Максимом Руллианом и представляло собой кавалерийский парад 15 июля. Подробнее см.: Vaccai G. Le feste di Roma antica. Miti, riti, costumi. Roma, 1986. P. 243–246.

он делает оговорку: эта традиция обросла этиологическими и фольклорными элементами, так что трудно решить, что лежит в ее основе – объяснительные выдумки древних или достоверное зерно фактов, разросшееся в более позднее время. Во всяком случае в рассказе об аграрном законе 486 г. до н. э. явно видны посттракханские элементы (с. 193). В данных о преследовании Сп. Кассия за *perduellio* двумя квесторами Форсайт видит общий источник Ливия и Дионисия в лице Валерия Анциата, так как один из квесторов был Луцием Валерием. Напомним, что отнесение каких бы то ни было сведений на счет Анциата с легкой руки гиперкритиков обеспечивало им клеймо недостоверности. Признанию сомнительности разных частей традиции о Сп. Кассии со стороны Г. Форсайта могут служить его наблюдения над этнологическими примерами, относящимися к более позднему времени (происхождение названия *Aequimelium* и когномена *Ahala*). Вместе с тем в другом месте своего труда, говоря, например, о Сп. Мелии, исследователь отмечает вероятность того, что сведения Цинция Алимента об этом герое восходят к понтификальным документам. Однако позднейшие наслоения, по мнению Г. Форсайта, позволяют сделать вывод только о том, что теперь можно с точностью констатировать лишь наличие кризиса в Риме, связанного с недостатком продовольствия. Таким образом, заключая, следует сказать, что 1) источниковедческая работа Форсайта носит более продуманный и более современный характер, чем у большинства англоязычных коллег; 2) он не оценивает всю торию Сп. Кассия как анналистическую выдумку, считая его личность достоверным историческим фактом; 3) аграрное законодательство 486 г. тем не менее признается им недостойным доверия.

Полагаю, что на основе нашего беглого обзора научной литературы можно сказать, что более чем за последнее столетие события, связанные с личностью и деятельностью Сп. Кассия, оценивались в соответствии с источниковедческими принципами ученых. При этом чаще всего если и допускали, что сама персона может быть признана исторической, поскольку она неотделима от договора 493 г. до н. э. с латинами, то аграрный законопроект Кассия считался недостоверным, как большая часть истории раннего Рима.

Однако в середине XX в. в этом потоке начала выделяться новая, отошедшая от скептицизма струя, либо неизвестная, либо замалчиваемая большинством современных историков древнего Рима. Эта источниковедческая новация – не плод умозрительных построений, она основана на прочном фундаменте новых источников, прежде всего данных археологии и результатах лингвистических изысканий. Естественно, первыми овладели новыми источниковыми материалами итальянские ученые и сопоставили их с показаниями античной традиции, применив при этом начатый еще Б. Г. Нибуром комплексный подход к использованию источников в историческом исследовании.

О том, что античные авторы не хуже современных знали римскую историю, одним из первых сказал П. Романелли²⁶ в самом начале 50-х гг. XX в. Он обратил внимание на то, что строители дворцов на Палатине, ставя фундамент, не потревожили, а обошли находившуюся там могилу. Значит, они видели ее, знали о ней. Это – мелкий, но знаменательный факт. Вскоре за ним последовали на протяжении 70-х гг. XX и начала XXI в. другие открытия. Буду максимально краткой²⁷. Были обнаружены следы хижин середины VIII в. до н. э. на Палатине, появились замечательные труды Э. Перуцци, в которых приведены не только археологического, но и лингвистического характера доказательства преобладания греческих культурных влияний на возникавший и первоначальный, т. е. раннего железного века, Рим. Это не укрылось от внимательного взора выдающегося ученого-правоведа Ф. Де Мартино, который заметил, что вообще о ценности античной традиции о раннем Риме без учета новых материалов, требующих

²⁶ *Romanelli P.* Problemi archeologici e storici di Roma primordia // *BP.* I. 1954/55. Vol. 64. P. 258–259.

²⁷ Повторю частично сказанное мною устно и письменно в монографии: *Маяк И. Л.* Рим первых царей. М., 1983. См.: *De Martino F.* Storia economica di Roma antica. T. 1. Firenze, 1981; *Peruzzi E.* Origini di Roma. V. I–II. Bologna, 1970 e 1973; *Idem.* Mycenaean in early Latium. Roma, 1980; *Idem.* Civiltà greca nel Lazio preromano. Firenze, 1998; *Он же.* Рим: эхо имперской славы. М., 1997.

отказа от безоговорочного недоверия к сообщениям античных авторов, судить нельзя²⁸. Выдвинутое Де Мартино положение вскоре было подтверждено новыми открытиями, прежде всего следов Ромулова померия²⁹. Затем были найдены художественные поделки, а также культовая керамика с греческой надписью VIII в. до н. э. на месте древних Габий³⁰, что подтвердило сообщения античной традиции о том, что город действительно был центром греческой культуры, тесно связанным с Римом; была открыта хижина VIII в. до н. э., аналогичная палатинской, в соседних с Римом Фиденах³¹. В начале 2008 г. в Интернете появился снимок обнаруженной пещеры под южным склоном Палатина. А. Карандини идентифицировал эту пещеру с легендарным Луперкалом. Вскоре появилась монография с публикацией плана раскопок и репродукциями находок на месте предполагаемого дворца Октавиана Августа, чем нельзя пренебрегать, поскольку А. Карандини, ведущий раскопки на знаменитом холме, использовал новейшую технику³².

Новые и новейшие материалы, пополнившие базу источников истории доромулова и царского Рима, заставили историков пристальнее приглядеться к античной традиции и о раннереспубликанском времени. Сделал это уже Ф. Де Мартино, изучая экономику и социальную историю V в. до н. э., что естественно привело его к рассмотрению источниковедческих данных о Спурии Кассии и его аграрной рогации. Анализируя гиперкритическое утверждение о том, что его аграрный закон сфабрикован по модели аграрных мероприятий времен Гракхов и Суллы, Де Мартино подметил, что историки не указывают мотивов таких фальсификаций у анналистов. По меткому наблюдению ученого, у позднереспубликанских историков не было ни фамильных, ни политических интересов для перенесения событий и, главное, их героев в условия той глубокой древности. Действительно, если начать с Кальпурния Пизона (II в. до н. э.), так он, как известно, не был сторонником демократии, а потому не старался углубить современную ему демократическую борьбу в начало V в. до н. э. Поэтому не понятно, зачем было ему изобретать исторический прецедент для оправдания острых кровопролитий гракханской эпохи. Что же касается действительно существовавших у поздних авторов стремлений возвеличить своих предков, то среди анналистов имя Кассия носил только Кассий Гемина. Но изобретать рассказ о якобы своем предке, осужденном на смертную казнь за ненавистное для римлян стремление к царской власти, связанное с аграрной рогацией, было бы для пишущего в период поздней Республики безумием. Ф. Де Мартино добавляет еще, что обстоятельства аграрной борьбы в V и во II–I вв. до н. э. были разными: в одном случае речь прежде всего шла о разделе только что завоеванных земель, а в другом – о несправедливо захваченном *ager publicus*. Полагаю, что нельзя опровергнуть обоснованности решительного отхода Де Мартино от гиперкритицизма в отношении традиции в целом и Сп. Кассия – в частности.

Углублением источниковедческих исследований занялись по примеру Де Мартино другие ученые. В 1981 г. вышел целый сборник, посвященный борьбе за землю в период Римской республики³³. Один из составителей его, Фелициано Серрао, выступил там со статьей «Борьба за землю и жилище в Риме с 485 по 441 г. до н. э.»³⁴. Он поддержал в ней доводы признанного мэтра и предложил отказаться от предвзятой критики традиции и от абсолютного к ней недоверия; отложить в сторону тезис о том, что все анналистические рассказы об аграрных рогациях V–IV вв. до н. э. взяты из эпохи

²⁸ *De Martino F.* Storia economica di Roma antica. T. 1. Firenze, 1981. P. 14.

²⁹ *Carandini A.* La nascita di Roma. Dei, Lari, eroi e uomini all'alta di una civiltà. Torino, 1997; *Idem.* Remo e Romolo. Dai rioni dei Quiriti alla città dei Romani (775/750–700/675 a. C.).

³⁰ *Peruzzi E.* Civiltà greca nel Lazio preromano. Firenze, 1998.

³¹ *Fidene.* Una casa dell'età della ferza Roma, 1998.

³² *Fero S.* Prospezioni con il Yeoradar // *Casandini A.* Cescando Quisino. Torino, 2007. P. 87–92; *Carandini A.* con Bruno D. La casa di Augusto del Lupescalia al Natale. Roma – Bari, 2008.

³³ *Legge e società nella repubblica Romana.* Napoli, 1981.

³⁴ *Serraio F.* Lotte per la terra e per casa a Roma dal 485 al 441 // *Legge e società...* P. 51–179.

Грахов и Суллы; судить о них, учитывая политический и экономический контекст эпохи. Сам Серрао так и поступает, делая порой очень тонкие замечания. В частности, он говорит, что Сп. Кассий был обвинен и казнен действительно народным судом (*populi iudicio*), так как плебеи в центуриатных комициях практически роли не играли. Отсюда, замечу, следует точное нибурианское представление о тогдашнем несовпадении понятий «народ», т. е. патриции, и плебеи³⁵. Ф. Серрао верно отметил, что плебеи даже после казни Кассия не сразу осознали суть дела, патрицианская же спесь усилилась: аграрный закон был отложен и не принят, а сенатское постановление о создании комиссии для ассигнирования земель (в 485 г. до н. э.) в жизнь проведено не было. Ф. Серрао справедливо констатирует, что события 486 г. до н. э. и последующих лет отличаются от гракханского времени еще и тем, что Гракхи в своей борьбе использовали плебисцит, не нуждавшийся в их время в одобрении сената, а сторонники Кассия действовали по сенатской *auctoritas*. Надо сказать, что это – еще один аргумент в пользу достоверности античной традиции об аграрной рогации Кассия.

В упомянутом сборнике есть еще работа, посвященная обстоятельствам и сути аграрной реформы, предложенной Сп. Кассием. Она принадлежит перу Д. Капанелли³⁶. Он, конечно, отмечает различия в сообщениях Ливия и Дионисия о предложенном Кассием аграрном законе, но не ставит под сомнение историчность его личности и деятельности, развернувшейся в условиях реальной социальной борьбы. Ученый дает очень подробный обзор точек зрения на данную тему. В частности, он выделяет в нем вопрос о происхождении Сп. Кассия. На базе анализа источников Д. Капанелли показал, что один из гиперкритиков Э. Пайс, поместив патриция Кассия среди сомнительных трибунов, дал начало представлению о его плебействе, что заводило исследователей в ловушку гиперкритицизма.

Важная тема, на которой Капанелли доказывает добротность в основных чертах традиции о Кассии, – это оформление его предложения: ведь Флор (26. 7) говорит о «*lex Cassia*», а Ливий – о *lex agraria promulgata* что имеет разную юридическую суть. Разобрав на источниках все данные о перипетиях аграрной борьбы, исследователь, отметив незавершенность конституционного порядка ранней Республики, подчеркнул, что рогация Кассия законом не стала.

Чрезвычайно важным представляется анализ Капанелли отношений Рима с союзниками, хотя он и не первым коснулся этого вопроса. Вопреки обычному недоумению историков относительно благоприятных условий союза с только что побежденными герниками, Капанелли, вслед за корифеями XIX в., объясняет это особым местоположением их между исконными врагами римлян, эквами и вольсками. Он присоединяется к Альфельди, заметившему невозможность для римлян, аннексируя территорию герников, продвинуться в 486 г. до н. э. до р. Лирус. По мнению Капанелли, Кассий был поборником союза с народами Лация, что органично включается в картину эпохи. И именно анализ международного положения Рима с учетом его социальной структуры и конфликтов группировок внутри правящего класса демонстрирует, согласно Д. Капанелли, несостоятельность ставших привычными неумеренно критических взглядов на историю ранней Республики. По признанию самого Капанелли, он стремился показать, что события 486 г. до н. э. представляли собой попытку определенных кругов общества вывести римский полис из кризиса и Сп. Кассий был их вождем.

Столь же важные, построенные на основе тщательного исследования источников выводы об историчности аграрных движений в Риме в конце V - начале IV в. до н. э. содержатся в работе А. Сантини из того же сборника, что и названные выше труды³⁷. Ученый отметил, что новая волна аграрных движений в Риме началась после 445 г. до н. э.,

³⁵ Подробно об этом см.: *Маяк И. Л.* Римляне ранней Республики. М., 1993. Особ. с. 77–87.

³⁶ *Capanelli D.* Appunti sulla rogatio agraria di Sp. Cassio // *Legge e società...* P. 1–50.

³⁷ *Santini A.* Agitazioni agrarie dal 424 a. C. alla presa di Veii // *Legge società...* P. 281–306.

когда вместо консулов стали выбирать консулярных трибунов, доступных плебеям. Это вдохновило их на постановку аграрных проблем.

Хотя европейская критика объявила аграрные рогации, начиная с 424 г. до н. э. не достойными доверия, скопированными по модели II в. до н. э., Сантини, не отрицая неточностей и противоречий в ливийской традиции, выделил рогации последней четверти V в. до н. э. в особую фазу вполне реальной борьбы. По резонному мнению исследователя, отрицание достоверности сообщений о движениях 424–393 гг. до н. э. зачеркивается тем фактом, что плебеи уже со времени Кассиевой рогации действительно добивались уступок, даже если в части аграрной жизни они оставались нереализованными. Настоятельное продолжение борьбы за землю было тесно связано с политическими событиями. В их водовороте, по мысли Сантини, всплывали важные факты: и плебеи, и плебейские трибуны не представляли собой единства, плебейство экономически, а потому и политически расслаивалось.

Не говоря о прочих исследователях, касающихся иных проявлений общественной и экономической жизни римлян ранней Республики, авторы которых отошли от гиперкритических воззрений, следует назвать источниковедческую работу О. В. Сидорович. В результате тщательного анализа римской традиции она пришла к заключению о необходимости «освободить Валерия Анциата и младших анналистов от огульных обвинений в фабрикациях фальшивок, на самом деле эти историки имели очень ограниченные возможности сочинять небылицы о прошлом и сдабривать их пустыми упражнениями в риторике»³⁸. Действительно, новое (после Нибура) восстановление рационально-критического подхода к нарративным источникам игнорировать невозможно.

Нельзя не принять во внимание и убедительных соображений ученых, реабилитировавших античную традицию о Сп. Кассии, включая его аграрную рогацию. Придерживаясь в целом этой позиции, отметим в первую очередь, что присоединяемся к признанию историчности этого деятеля, чье имя в самом деле фигурирует и в фастах, и в наименовании союзного договора 493 г. до н. э. с латинами, и историчности законно-проекта, приведшего его к казни. К прямым показаниям источника о существовании Кассиевой рогации можно, по нашему мнению, еще добавить, что божества, которые так или иначе связывались с ней или с ее автором, принадлежали силам Земли, покровителям земледелия. Так, об освящении им храма Цереры, Либера и Либеры говорит Дионисий (VI. 94. 4). По словам Плиния Старшего (N. H. XXXIV. 30), Сп. Кассий поставил себе статую на форуме близ храма Теллус. Он же сказал о первом изображении Цереры, выполненном на средства казненного Кассия (N. H. XXXIV. 18). О том, что на месте снесенного дома Кассия позднее был построен храм Цереры, говорил Цицерон (*De dom.* 38. 101). О посвящении Кассиева имущества Церере сообщает Валерий Максим (VIII. 2). Близость этих божеств к Сп. Кассию не случайна, она обязана именно его аграрной рогации.

Обратимся теперь к рассмотрению сообщений античных авторов. Заметим, что о Спурии Кассии упомянуто действительно во многих источниках, но с разной степенью подробности и в связи с разными вопросами: у Цицерона (*De amic.* 8. 284; *De dom.* 38. 101), у Диодора Сицилийского (II. 37. 7), у Валерия Максима (5. 8. 2), у Плиния Старшего (XXXIV. 15; 30), Феста (P. 180: *noxia*; 182, 5: *Cassia via*), у Ливия (II. 16. 17; 17. 1; 33, 3; 9; 41. 1–12; 42, 1; 7; *Per.* 2), у Дионисия Галикарнасского (V. 49. 1–3; 75. 2–4; VI. 20. 2–3; 49. 1; 91. 1; 93. 12. 5; 95. 1; VIII. 68. 1; 69. 1–3; 70–73; 75. 3; 76. 2; 77. 2; 78. 3; 79. 1–4; 81. 1; 82. 4; IX. 1. 1; 3. 1; 37. 2–3; 51. 1), у Ампелия (27. 3), у Флора (17. 26. 7).

Больше всего материала содержится в источниках о Кассиевом договоре 493 г. до н. э. с латинами, о тиранических устремлениях Сп. Кассия, об обстоятельствах его обвинения и казни, о судьбе его имущества, в том числе его статуи. Аграрного

³⁸ Сидорович О. В. Анналисты и антиквары. Римская историография конца III–I вв. до н. э. М., 2005. С. 151.

законопроекта 486 до н. э. касался практически лишь Ливий и Дионисий Галикарнаский, а также, но очень кратко – Валерий Максим, Ампелий и Флор. Рассмотрим их данные.

Ливий упоминает о войне 487 г. до н. э., поднятой против Рима вольсками и герниками, причем герников удалось покорить (II. 40. 14). Он (II. 41. 1) сообщает также, что консулами в 486 г. до н. э. стали Сп. Кассий и Прокул Вергиний, был заключен договор с герниками, у которых отобрали $\frac{2}{3}$ земли. К тому же консул Кассий намеревался разделить ее пополам между латинами и плебеями. Далее (II. 41. 2–3) говорится, что к этому дару (или одолжению – *tunerē*) он добавил часть общественной земли, которая находилась во владении частных лиц, на что он им пенял (*possideri... cōminabatur*): «Это пугало многих отцов-сенаторов, которые сами были такими владельцами и опасались за свое имущество. Но сенаторов охватило волнение и за положение дел в государстве, они считали, что консул своей щедростью создает для себя политический вес, опасный для свободы. Тогда же впервые был предложен аграрный закон». Ливий сказал, что второй консул, т. е. П. Вергиний, возмущался щедротами своего коллеги, вызвавшими недовольство и отцов-сенаторов, и части плебса, который начал досадовать на то, что дар для граждан распространяется и на союзников (*in sociis* – II. 41. 4). Вергиний разжигал на сходке недовольство римлян, тем, что $\frac{1}{3}$ земли придется вернуть герникам, недавним врагам, и поделиться землей с союзниками и латинами (*adsumi socios et nomen Latinum* – II. 41. 6). Такого рода действия, согласно Вергинию, объяснялись стремлением Кассия к царской власти. Вергиний добился того, что Кассий начал терять поддержку граждан. Пытаясь спасти дело и сохранить кредит плебса, Спурий приказал вернуть народу (*populo*) деньги, выплаченные людьми за доставленный из Сицилии хлеб, но это не помогло, и по сложении должности он был обвинен и казнен (II. 41. 8–10). Не называя конкретно источники, Ливий сообщает, что некоторые пишут, что это сделал своею властью его отец; а другие – что Кассия за государственное преступление привлекли к суду квесторы Цезон Фабий и Луций Валерий, и именно народ (*populi iudicio* – II. 41. 11) приговорил его к смерти, что, согласно Ливию, более правдоподобно (*id quae propius fidem est* – там же).

В изложении Дионисия Галикарнасского, консулы 486 г. до н. э. Прокул Вергиний и Сп. Кассий с войском из граждан (*πολιτικός*) и союзников (*συμμαχικός*) выступили в поход, первый – против эквов, а второй – против вольсков и герников (*Dionys. VIII. 68. 1*). В конце концов враги римлян были побеждены, причем сенаторы решили наладить с герниками дружественные отношения на условиях, установленных консулом Кассием (*VIII. 68. 4*) – ὅτι δ' ἀν ἐκείνῳ δόξῃ, τοῦτ εἶναι σφίσι κύριον. Затем, добившись триумфа, Кассий представил договор с герниками, который оказался списанным с его же договора 493 г. до н. э. с латинами, чем сенаторы остались недовольны. Ведь герники были чужеземцами (*ἄλλοεθνείς*), а права по договору получали как и родственные Риму латины (*ἄξιοῦντες τῆς ἴσης τιμῆς τοῖς συγγενέσι Λατίνοις* – *Dionys. VIII. 69. 2*). Удачно проведенные мероприятия и видное положение Кассия в обществе послужили тому, что его стали подозревать в гордыне и в стремлении к монархической власти. Особое негодование сенаторов вызвало привлечение на свою сторону плебса. Он решил раздать народу (*τῷ δήμῳ διανέμει*) некую обширную общественную землю (*τις χώρα δημοσία*), которая раньше была заброшена и затем занята самыми богатыми гражданами (*ὑπὸ τῶν ἐυλορωτάτων κατεχομένη* – *VIII. 69. 4*). Но этой акцией он не удовольствовался, а позволил себе сделать шаги, приведшие к большой смуте, а его самого – к несчастному концу. «Ведь он включил в список на раздел земли и латинов, и даже герников, только что допущенных к римскому гражданству (*εἰς τὴν πολιτείαν*), желая расположить эти народы в свою пользу» (*VIII. 69. 4*).

Далее Дионисий живописует действия Сп. Кассия, замыслившего обрести царскую власть: он созвал толпу народа (*τὸ πλῆθος*) на народное собрание и по обычаю триумфаторов дал отчет в своих консульских деяниях: упомянул о былой победе над самнитами, о каких-то своих заслугах в подавлении плебейской смуты, об установлении дружбы с латинами, предоставив им гражданское равноправие (*ἰσοπολιτείας μεταδοῦς*),

так что они «стали считать Рим своим отечеством» (VIII. 70. 2). Напомнил он и о том, что в третье консульство заставил вольсков стать из врагов друзьями. В заключение Кассий обещал и в дальнейшем покровительство плебеям (IX. 70. 4). Распустив народное собрание, он созвал перепуганный сенат и предложил сенаторам позаботиться о народе и, среди прочего, наделить его землей, захваченной на войне и являющейся на словах общественной (δημοσία), а фактически незаконно (οὐδενί δικαίω) принадлежащей самым наглым из патрициев (VIII. 70. 5). Агитация Кассия привела к резкому противостоянию внутри гражданства и к активизации его противников, включая консула Вергиния. Постепенно против Кассия на сходах стали выступать даже плебейские трибуны, объясняя народу, что несправедливо, если не только римляне разделят между собой то, что приобретено в ходе новых войн, но равную с ними долю будут иметь и латины, не участвовавшие в этих войнах, и герники, лишь недавно установившие дружественные отношения, коим, принужденным к тому войной, достаточно было не лишиться собственной территории (VIII. 71. 5). Согласно Дионисию, один из плебейских трибунов, Гай Рабулей, на народных собраниях (ἐν ταῖς ἐκκλησίαις)³⁹ уточнил позиции консулов. Вергиний заявил несогласие с коллегой только по пункту наделяния общественной землей латинов и герников (VIII. 72. 3). Это охладило пыл плебеев, и Кассий начал возлагать надежды на принятие закона в его формулировке, полагаясь на силу и принуждение (βία καὶ χειροκρασία κυρῶσαι τὸν νόμον – VIII. 72. 4), для чего распустил народное собрание и стал привлекать в Рим на голосование (ἐπὶ τὴν ψηφοφορίαν VIII. 72. 4). И, несмотря на запрет второго консула, толпы латинов и герников повалили в Рим (VIII. 72. 5).

Встревоженных сенаторов взялся успокоить Аппий Клавдий, видимо *princes senatus*, потому что он был спрошен первым (πρῶτος ἐρωτηθεὶς – VIII. 73. 2). Он предложил не передавать в руки народа (τῷ δήμῳ) раздел земли, а поручить это выбранной из 10 сенаторов комиссии. Цели и функции ее представляются весьма показательными. Комиссионеры должны были обойти общественную землю (τὴν δημοσίαν γῆν), определить ее границы и, если частные лица (ἰδιῶται τινεῖς) используют ее под пастбище или для возделывания, вернуть ее государству. Затем эту землю разделить на участки, ограниченные столбами, частично продать их, частично сдать в аренду на 5 лет, деньги же за них использовать на снабжение воинов и на оплату военных расходов (VIII. 73. 3). Разумеется, дальновидный Аппий Клавдий отводил и римлян от поголовного раздела земель (VIII. 73. 4), и союзников от надежды на существующий *ager publicus* с перспективой для них согласно договору получить впредь часть совместно завоеванной земли (VIII. 74. 2).

Антикассиева позиция Аппия Клавдия была, по Дионисию, усилена предложением Авла Семпрония Атрatina: аграрной комиссии вменяется в обязанность из возвращенной в общую собственность земли определить еще часть для раздела между гражданами (τοῖς δημόταις), либо только между потерявшими свой надел, либо среди имеющих наименьший ценз (ἐλάχιστον ἔχουσι τίμημα), либо иным способом (VIII. 75. 3). Предложение Авла Семпрония Атрatina было записано в качестве постановления сената (τὸ τῆς βουλῆς δόγμα – VIII. 76. 1), а осуществление его решено было поручить новым консулам, под предлогом того, что срок действующих был недостаточен для столь важных дел (VIII. 75. 4).

Как известно, квесторы следующего года, Цезон Фабий и Валерий Попликола, привлекли Кассия к суду с обвинением в стремлении к тирании. Они повторили также уже известное нам обоснование вины Кассия в том, что он-де латинам решил предоставить гражданские права и выделить им треть всей военной добычи в случае совместного похода. Герников же, побежденных на войне, сделал друзьями вместо

³⁹ Здесь следует принять во внимание замечание Б. Г. Нибура о том, что в этом случае Дионисий спутал народное собрание, комиции, с плебейской сходкой (*contio*), в которой только и могли тогда действовать плебейские трибуны. Но на смысл предложений о наделении землей это не влияет.

подданных и гражданами вместо данников и установил, чтобы они получили вторую треть той земли, которую римляне приобретут. Таким образом, выходило, что римлянам доставалась только треть из разделенной земли (VIII. 77. 2–4). Дело кончилось казнью Кассия – сбрасыванием со скалы. Отметим сразу, что этот рассказ о казни Дионисий, как и Ливий, считает более достоверным, чем осуждение Кассия собственным отцом (VIII. 79).

Если оставить в стороне разночтения источников по поводу деталей деятельности Сп. Кассия, надо отметить во многом единство мнений античных авторов не только о существовании этого героя, но и о его попытке первым в римской истории провести аграрный закон⁴⁰. Это очень устойчивая традиция. Но откуда она пошла? За отсутствием текстов древних анналов можно высказать следующее предположение. Если учесть замечания прозорливого Нибура⁴¹ о том, что Диодор, более достойный доверия, чем римские писатели, должен был черпать сведения о римской старине у Фабия Пиктора, думается, что этот тезис действителен и в отношении традиции о Кассиевой рогации. Вспомним о римском обычае прославлять доблести своих предков. И знатному патрицию Фабию Пиктору легко было сделать это. Ведь следующие за Сп. Кассием семь лет подряд в числе консулов значились Фабии. При этом в 485 г. до н. э. консулом был Квинт Фабий, и среди квесторов, обвинивших Кассия, – его брат Цезон Фабий. Вполне вероятная причастность Пиктора к истоку римской традиции об аграрной рогации 486 г. до н. э. подкрепляет ее достоверность, по крайней мере, в главных чертах. Следует еще принять во внимание замечание Дионисия о том, что он знал много рассказов о Сп. Кассии и его деяниях и выбрал наиболее достоверное, однако рассказ о казни, например, он счел менее достоверным, хотя содержащимся во многих книгах (VIII. 79. 1). Это свидетельствует о добросовестности и эрудиции писателя, что в целом повышает ценность сообщений, содержащихся в античной традиции, передаваемой им.

Общность мнений античных писателей о самом факте предложения Сп. Кассия не означает единообразия информации о его сути. Она различается по вопросам о том, какая земля подлежит разделу и кому земля достанется.

По утверждению Ливия (II. 41. 2), Кассий дерзнул распорядиться фондом *ager publicus*, как новыми в него поступлениями, так и давними, путем его перераспределения. Заметим, что предложение Кассия не представляло собой правонарушения, потому что консул мог внести законопроект в народном собрании, а сенат вплоть до 338 г. до н. э. утверждал решение комиций, становившееся лишь тогда законом (*lex*).

Напомним, что Дионисий Галикарнасский пишет, что Кассий решил разделить ранее завоеванные земли, которыми уже владели патриции (VIII. 69. 3; 70. 5; 71. 5–6; 73. 4; 4). В других местах эти общественные земли⁴² упоминались как земля, «приобретенная в ходе многих войн» (VIII. 71. 5; 6; 74. 2; 77. 2), или просто как «общественная земля» (VIII. 72. 1; 73. 2–3; 75. 1; 3; 76. 1; 78. 1), о только что завоеванной у Дионисия речи не было.

Таким образом, следует заметить, что в наших источниках речь всегда идет об *ager publicus*, но о разных субъектах и формах его использования. Что касается того, кому собирался Сп. Кассий дать общественную землю, то здесь показания источников различны.

Ливий (II. 41. 1) сообщает, что половину герникской земли, составлявшей $\frac{2}{3}$ их полей, и часть старого *ager publicus* Кассий предназначил латинам, и лишь половину – плебеям. Из этого вытекает, что наделялись и латины и плебеи, в том числе за счет $\frac{1}{3}$ герникских полей, в то время как другая их треть возвращалась только что побежденным герникам (II. 41. 6). Так, по словам Ливия (II. 41. 6; 8), Кассий угождал не только

⁴⁰ *Liv.* II. 41. 1; *Dionys.* VIII. 69. 3; *Val. Max.* VIII. 2; *Ampel.* 27. 3; *Flor.* 17. 26. 7.

⁴¹ *Niebuhr B. G. R. G. S.* 447.

⁴² Заметим, что у обоих авторов отмечено наличие *ager publicus*, что наравне с частнособственническими наделами граждан составляло специфику античного полиса. У них же ясно выражена неправомерность захвата некоторыми людьми, т. е. патрициями, земель из этого общегражданского фонда.

гражданам, но и латинам и союзникам (герникам)⁴³. Дионисий (VIII. 69. 4), как мы видели, говорит, что Сп. Кассий включил в список на раздел земли не только народ, но и латинов и даже герников. Это обстоятельство было использовано патрицианскими агитаторами против Кассия, плебеи отвернулись от него, и экс-консул был казнен (II. 41. 10).

В научной литературе уже вставал вопрос о возможности наделения землей герников. По большей части сообщение Дионисия дезавуировалось. Однако вспомним, что Карл Нич объяснял щедрость Кассия к герникам разладом между плебеями и патрициями, к которым он сам принадлежал. Более рационально, как мы видели, аргументировал в последнее время прогерникское предложение Кассия Капанелли, а именно – локализацией герников между врагами Рима, вольсками и эквами. К этому мнению нельзя не прислушаться. Таким образом, акция Кассия выглядит вполне историчной. Но важно выявить, на каких условиях могло осуществляться благодеяние Кассия, и не только в отношении герников, но и латинов.

Согласно Ливию (II. 33. 4), при консулах Сп. Кассии и Постуме Коминии в 493 г. до н. э. был заключен договор с латинскими народами (*cum Latinis populis ictum foedus*). По Дионисию (VI. 95. 1), со всеми⁴⁴ латинскими городами были заключены и клятвенно подтверждены новые договоры (*συνθήκαι*) о мире и дружбе. Он цитирует текст этого договора. В нем оговаривается ненападение друг на друга, взаимопомощь во время войны и равная доля добычи в совместных войнах, а также осуществление в течение 10 дней и в том месте, где договор был заключен, судопроизводства по частным договорам. Таким образом, оба автора представляют равноправие союзников в 493 г. до н. э.

Ситуация 486 г. до н. э. выглядит несколько иначе. Ведь, по Ливию, герники вслед за вольсками в 487 г. до н. э. были побеждены и заплатились землей (II. 41. 1). По Дионисию, именно в 486 г. до н. э. герникские послы явились в Рим с просьбой о мире и дружбе, потому что их союзники вольски вынуждены были подчиниться Риму. Вопрос о союзе решил Кассий. После выполнения герниками выдвинутых требований, консул направил послов в сенат. Сенаторы решили наладить дружеские отношения с герниками, поручить консулу Кассию заключение договора с ними на тех условиях, какие он сам определит (*Dionys.* VIII. 68. 3–4). Когда Кассий представил договор, выяснилось, что он был списан с договора 493 г. до н. э. с латинами. «Сенаторам это не понравилось, они возмутились тем, что герники получили равную честь с родственными римлянам латинами» (*Dionys.* VIII. 69. 2).

Из этих свидетельств следует, что фактически с герниками был заключен равноправный договор, что герники оказались такими же союзниками Рима, как и латины. Оставляя в стороне главную причину враждебности сената к Кассию, т. е. перераспределение *ager publicus* в пользу плебеев, обратим внимание на заявление Дионисия (VIII. 69. 4) о том, что Кассий включил в список на раздел земли латинов и даже герников, «только что допущенных к гражданству»⁴⁵. Значит, латины и герники оказывались не только союзниками, но и частично гражданами Рима. Переводя акцию Кассия на язык римского права, и латины и герники получали в Риме *ius commercii*. Если же вспомнить о существовании в Лации с незапамятных времен обычаев взаимных бра-

⁴³ У Ливия (II. 42. 1) стоит слово *populus*, а в следующих параграфах в связи с недовольством сенаторами и вообще патрициями вновь называются плебеи (*plebs* – II. 42. 2–3). Но это не означает, что Ливий безусловно идентифицирует народ и плебеев. Скорее этот текст говорит в пользу имущественного расслоения не только среди плебса, но и в рядах народа = *populus*. Значит, среди недовольных была беднейшая часть гражданства, включавшего и народ и плебеев.

⁴⁴ *Dionys.* VI. 95. 2: «ταῖς Λατίνων πόλεσις ἀπάσαις». И. В. Нетушил доказал, что договор Кассия был заключен не со всеми латинами, а с северной их группой, с так называемой Арицийской федерацией под главенством Тускула. См.: *Нетушил И. В.* Начало мировой политики Римской республики и конец Лация. Историко-критическое исследование VII–VIII книг Т. Ливия // ЖМНП. 1904. Ч. 354. Авг. Отд. 5. С. 357–390; Ч. 355. Сент. Отд. 5. С. 391–437; Окт. Отд. 5. С. 469–482.

⁴⁵ *Dionys.* VIII. 69. 4: «... τοὺς νεωστὶ προσληφθέντας εἰς τὴν πολιτείαν Ἐρνικας...». Ср. также: *Dionys.* VIII. 70. 2; 71. 5.

ков⁴⁶, то получается, что северные латины обретали бы статус *civitas sine suffragio*. О том, что латины и в известной мере герники почувствовали себя пусть и не полноправной, но все-таки реальной частью римского гражданства, говорит их толпа, наводнившая для голосования по приглашению Кассия Рим (*Dionys. VIII. 72. 4–5*). Таким был план Кассия, который реализован не был.

Известно, что права римского гражданства, по А. Гелию (16. 13. 7) хоть и ограниченные, первыми получили жители этрусского города Цэре после того, как дружелюбно приняли эвакуацию римских сага при нашествии галлов в 390 г. до н. э. Однако полноту гражданских прав в Риме они обрели позже, в 351 ab Urbe condita = 332 г. до н. э., т. е. после Второй латинской войны⁴⁷. Из италийских, точнее, латинских городов *civitas sine suffragio* первым, видимо, получил Тускул⁴⁸ в 381 г. до н. э., т. е. ранее Цэре, а полные права римского гражданства – после 338 г. до н. э., может быть, около 332 г. до н. э.

Итак, первенство в обретении *civitas sine suffragio* и вместе с тем реальное появление этого правового института связано с Тускулом и датируется 381 г. до н. э. Однако аграрный законопроект Сп. Кассия уже содержал предпосылку создания статуса неполного римского гражданства для неримлян по модели внутриримских отношений между патрициями и плебеями. Не будучи реализованным, аграрный законопроект Сп. Кассия создавал прецедент для развития правовой мысли в Риме и воплощения в жизнь нового компонента и новой вариации в юридическом содержании *civitas*, т. е. *civitas sine suffragio*. Важно подчеркнуть, что это произошло за 100 лет до римского «дара» тускуланцам. Следовательно, уже в начале V в. до н. э. имела место попытка приоткрыть для чужаков шлюз для вступления в римский гражданский коллектив. Это противоречило одному из главных принципов античного полиса, нарушало его замкнутость. Попытка Сп. Кассия показала направление в развитии римского полиса, его специфику по сравнению с греческим, его открытость. Именно это способствовало преодолению полисного сепаратизма, чего не смогли сделать греки, а также, в конечном счете, построению великого централизованного государства, сначала Римской державы, а потом – мировой Римской империи⁴⁹. У истоков этого процесса объективно стоял Спурий Кассий, субъективно имевший значительно более скромные планы. Все сказанное позволяет рассматривать аграрную рогаацию Кассия в особом ракурсе, т. е. с точки зрения развития правовой сущности *civitas Romanae*. Чем объяснить этот исторический феномен? Это – особый вопрос. Для начала укажем пока на природные условия Италии и Рима сравнительно с Грецией, повлиявшие на развитие римской экономики, на преобладающее значение сельскохозяйственного производства, быт и культуру римлян, включая специфику их ментальности. Как показала практика отношений Рима сначала с близкими, в пределах Лация, а потом с более далекими италийскими соседями, преодоление полисной обособленности шло по линии союзов с городскими общинами, оформлявшихся разными договорами, объективно сближавшими стороны друг с другом на правовом фундаменте. Неуклонно проводившаяся Римом политика построения союзов, им возглавляемых, облегчала ему в конечном счете переход к открытости, к отказу от полисной замкнутости.

⁴⁶ Этот обычай прослеживается в похищении сабинянок, среди которых были и латинские девушки, и на примере брака Горациев и Куриациев, т. е. римлян с латинами, и в случае женитьбы тускуланца Мамилия на дочери римского царя Тарквиния Гордого.

⁴⁷ *Mommsen Th. R. St. III. S. 177; 571–573; Sherwin-White N. A. The Roman Citizenship. Oxford, 1939. P. 50–52; Guarino A. Storia del Diritto Romano. Napoli, 1990. P. 74; Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II вв. до н. э. М., 1971. С. 61; 73; 75.*

⁴⁸ *Mommsen Th. R. St. S. 571–573; Beloch K. J. Der Italische Bund unter Rom's Hegemonie. Lpz. 1880, S. 49* рассматривал Тускул как сразу получивший полные римские права. *Sherwin-White N. A. Op. cit. P. 27, 29, 56. Nissen H. Italische Landeskunde. B. 2. B., 1912. S. 574; Маяк И. Л. Указ. соч. С. 75.*

⁴⁹ *Маяк И. Л. Рим // Человек античности. Идеалы и реальность. М., 1992. С. 190–202; Она же. Проблема генезиса римского полиса. К вопросу о понимании *civitas* в современной науке // Феномены истории. М., 1996. С. 24–30; Де Куланж Фюстель. Гражданская община античного мира. М., 1867. С. 530 слл.*

I. L. MAYAK

**UN ASPETTO SPECIALE DELLA ROGATIO
DI SPURIO CASSIO
(RIASSUNTO)**

L'800 fu un'epoca particolare per lo sviluppo degli studi dell'antichità, compreso la storia e il diritto romano. Grazie a B. G. Niebuhr al quale si deve l'inizio di un approccio critico alle fonti, la storia è diventata una vera e propria scienza. Appunto nell'800 furono poste alcune questioni che continuano ad essere dibattute ancora oggi. Nel caso della Russia possiamo segnalare la questione agraria, la schiavitù e il regime schiavista nell'antichità, nonché il problema della *polis* antica. Non furono solo gli studiosi russi, tuttavia, a cercare nell'approfondimento di questi temi la chiave per la comprensione della società antica. Sofferamoci innanzitutto sul problema della *polis* posto nel 1864 da Numa Denis Fustel de Coulanges. Questo grande studioso diede una definizione della *polis* (comunità civile antica) e propose una tesi di primaria importanza, quella dell'identità tra la comunità greca (*polis*) e la *civitas* romana, nonché quella della coesistenza di tratti comuni e differenze fra la *civitas* e il *municipium* italico. La definizione fusteliana di *polis* = *civitas* è entrata in circolazione presso gli antichisti. Però, in virtù delle scoperte nell'Oriente antico di numerose città-stato (dei sumeri akkadi, siriani e poi anche nell'India antica) le loro somiglianze topografiche e politiche fecero sì che questa definizione agli inizi del '900 fosse estesa anche alle *poleis* (*civitates*). Tutte e due – dobbiamo però osservare – sono corrette, anche tutt'altro che complete.

Infatti, l'esistenza di città-stato con presenza di una comunità di cittadini può essere provata in diversi paesi anche nel Medioevo e in epoca moderna. Ma in esse non si formò mai la specifica cultura dell'antichità classica. Sul carattere unico del fenomeno della *polis* si esprime ancora Fustel de Coulanges. Ciò vuol dire che le sopraddette definizioni non possono essere ritenute sufficienti. Gli studiosi sovietici sono riusciti a precisare la definizione della *polis* con aggiunta di un elemento necessario. Esso è presente nella tradizione antica (soprattutto presso Livio, Dionigi d'Alicarnasso e Appiano) ed è stato descritto in maniera dettagliata dagli studiosi dell'800, e su questa base sintetizzato in breve da Karl Marx. Si tratta di una particolare forma di proprietà antica: l'unità inseparabile e intercondizionata della proprietà su una parcella privata di terra e l'uso della terra pubblica (*ager publicus*) soltanto per i cittadini. Nella moderna dottrina russa si è venuto affermando il concetto di *polis* = *civitas* come comunità di cittadini basata sulla forma antica classica di proprietà.

Come è noto da tempo, i cittadini romani (*cives*) avevano sia i diritti patrimoniali (*ius conubii*, *ius commercii*), sia quelli politici (*ius suffragii*, *ius honorum*), ma in pratica non tutti erano da tutti posseduti nella loro pienezza. Così, ad esempio, i plebei dovettero lottare a lungo prima per vedersi riconoscere lo *ius conubii*, poi il *ius honorum* in forma individuale; donde il fenomeno degli *homines novi*. La *civitas* romana si era formata come una comunità sovrana, totalmente indipendente negli affari interni ed esterni. La sovranità della *polis* includeva l'autarchia e l'autonomia. L'autosufficienza delle *poleis* nella sfera economica e politica fungeva da base per il separamento locale. Ma in Roma questo principio basilico di autosufficienza della comunità cominciò ben presto a deteriorarsi per via della concessione della cittadinanza romana non soltanto a singoli individui, ma anche a intere comunità. Secondo Aulo Gellio la prima comunità ad ottenere il *ius conubii* e il *ius commercii* fu la città etrusca di Cere in segno di gratitudine per l'asilo che essa aveva accordato ai sacerdoti romani che cercavano di salvare gli oggetti sacri dai Galli conquistatori di Roma nel 390 a. C. (Strabo 5. 2. 3; Gell. XVI. 7). Così nacque la forma politico-giuridica della *civitas sine suffragio*, però probabilmente prima di Cere 381 a. C. questo statuto l'aveva già ottenuto dai romani la città latina di Tuscolo (Paul. Fest. p. 155). dunque nella Roma nel IV sec. a. C. si verificò già la sindrome dell'apertura della *polis*.

L'analisi della repubblica romana ci induce a dubitare della sopraddetta datazione di quest'evento. Infatti la tradizione antica parla molto di Sp. Cassio, console negli anni 502, 493, 486 a. C., di come questi concluse un trattato con i latini (493 a. C), della sua *rogatio* agraria (486 a. C.) e di come fu accusato di aspirare alle tiranide il che sfociò nella sua esecuzione capitale.

Queste notizie, soprattutto la proposta di legge agraria, sono state valutate diversamente nella dottrina. B. G. Niebuhr non negava la possibilità del fatto, Mommsen nella *Storia di Roma* ha sostenuto la storicità dell'assegnazione di terre ai Latini e ai plebei, ma non invece agli Ernici. Però, in un articolo anteriore (1879) qualificò decisamente la narrazione sulla *rogatio* agraria di Sp. Cassio come una falsificazione tendenziosa dell'epoca Sillana. Con ciò si diede inizio alla critica spietata e dispregiativa dell'annalistica minore, e più tardi alla crescita di fiducia nelle notizie degli scrittori antichi, il che sboccò poi

nella visione ipercritica di tutta la tradizione antica sulla Roma dei primi tempi. Il risultato dello zelo degli storici in questa direzione è stato, ricordandolo, la negazione dell'affidabilità della tradizione romana fino al III sec. a. C. La formazione delle due tendenze esegetiche (quella della critica prevalente dell'ipercriticismo che diventò un segno «di buon gusto» tra gli studiosi). I cambiamenti in questa situazione sono cominciati soprattutto a partire dalla metà del '900. Gli storici italiani sono passati definitivamente da uno studio basato soltanto sulle fonti scritte all'uso sempre più ampio dei materiali archeologici e linguistici. Bisogna rendere merito all'illustre studioso Francesco De Martino che ha sottolineato l'opportunità dell'uso combinato delle fonti e la necessità di rivalutare su questa base le stimate apposte alle opere di Tito Livio, Dionigi d'Alicarnasso e di altri autori, comprese le loro fonti primarie. Un contributo eccezionale si deve al talentuoso studioso Emilio Peruzzi che ha potuto presentare la storia più antica dell'epoca dei re come una storia autentica e non più come una raccolta di fiabe e invenzioni. Quest'importante settore della scienza storica moderna ha avuto una sua continuazione e sviluppo nell'attività del notevole studioso Andrea Carandini. Concordano con le conclusioni di questi studiosi anche le mie modeste osservazioni. Ma anche nello studio delle fonti sui primi tempi della Roma repubblicana grazie agli sforzi dei ricercatori che hanno saputo penetrare nel carattere della tradizione antica (compresa l'annalistica minore) si è verificato un salto avanti. Questa tendenza, che si è personificata innanzitutto nella figura Feliciano Serra e degli autori della raccolta «*Legge e società della repubblica romana*» (1981), non va per niente ignorata.

Tenendo conto dei progressi scientifici summenzionati passo adesso all'analisi della proposta di legge agraria di Sp. Cassio considerata come un autentico evento storico. Le principali fonti su questo tema sono costituite dalle notizie di Tito Livio e Dionigi d'Alicarnasso. Secondo questi autori, dopo la vittoria dei romani sui Volsci e gli Ernici (481 a. C.), i consoli Sp. Cassio e Pr. Virginio con un trattato avrebbero spossessato gli ernici di $\frac{2}{3}$ delle loro terre per dividerle in quantità uguali fra i plebei e i Latini (Liv. 2. 40. 14; 41. 1). Più tardi Sp. Cassio avrebbe deciso di aggiungere una parte delle terre pubbliche romane, di cui si erano impadroniti dei privati (Liv. 2. 41. 2-3), il che avrebbe spaventato i *patres*. Fu in questo frangente che Sp. Cassio si fece avanti con la sua proposta di legge agraria contro cui si sarebbero espressi i senatori e una parte dei plebei che non volevano far accedere gli alleati ai privilegi dei cittadini romani (Liv. 2. 41. 4). Il console Virginio spiegò ai plebei che $\frac{1}{3}$ delle terre degli Ernici sarebbe stato restituito agli

stessi e con ciò le ricchezze terriere romane sarebbero passate in mano agli alleati e ai Latini (*adsunt socios et nomen Latinum* – II. 41. 6). Così, nonostante i tentativi di Sp. Cassio di recuperare la fiducia dei plebei, essi lo abbandonarono il che alla fine portò alla sua accusa di aspirazione alla tirannide per cui fu poi giustiziato (Liv. 2. 41. 8-10).

Secondo Dionigi, invece, i consoli del 486 a. C. con l'aiuto dei cittadini e degli alleati (*politikas summahikas*) avrebbero portato a termine le guerre di Virginio contro gli Equi e di Sp. Cassio contro i Volsci e gli Ernici (8. 69. 1). I Romani vinsero e i senatori incaricarono Sp. Cassio di concludere con gli Ernici un trattato a sua discrezione (8. 68. 4). E Sp. Cassio presentò al senato un trattato con gli Ernici con le stesse condizioni di quello che aveva concluso nel 493 a. C. (6. 95. 2). Ciò avrebbe provocato, però, l'indignazione dei senatori perché esso avrebbe previsto, oltre alla pace e alla promessa di aiuto reciproco, anche una spartizione in parti uguali del bottino di guerra e la celebrazione di un processo giudiziario per i contratti privati entro 10 giorni al posto della stipulazione del contratto. I senatori si scandalizzarono dal fatto che gli Ernici avessero meritato lo stesso onore dei latini, vicinissimi di origini ai Romani (8. 69. 2). Li sdegnava particolarmente che Sp. Cassio avesse deciso di distribuire tra il popolo le vaste terre pubbliche (8. 69. 4), prima abbandonate, e poi occupate dai cittadini più ricchi. Ad esacerbare ancora lo sdegno sarebbe stato il fatto che il console avesse incluso nelle liste dei beneficiati dalle distribuzioni anche i Latini e persino gli Ernici, che erano stati appena ammessi alla cittadinanza romana.

In questa situazione Sp. Cassio convocò l'assemblea popolare, le rese i conti come trionfatore, ricordò che aveva stretto amicizia con i latini dando loro l'uguaglianza di diritti (8. 70. 2) e promise protezione ai plebei (9. 70. 4). Dopodiché, riunendo il senato, propose di dare al popolo la terra, acquistata con le guerre e dunque pubblica, ma di cui di fatto si sarebbero illegalmente impadroniti i più sfacciati dei patrizi (8. 70. 5). Contro Cassio si pronunciò Virginio, ma anche i tribuni della plebe che considerarono ingiusta la distribuzione della terra conquistata dai Romani fra i Latini e anche fra i recentissimi nemici Ernici (8. 71. 5). Con ciò egli sottolineò che occorreva infatti dare la terra ai plebei (8. 72. 3). La plebe si calmò e Sp. Cassio ebbe speranza dell'adozione della sua legge, ma per via della forza e della costituzione (8. 72. 4), per cui sciolse le assemblee popolari e incoraggiò l'arrivo in Roma di Latini ed Ernici al momento della votazione (8. 72. 5). Questo impaurì i senatori e Appio Claudio propose di sottomettere la risoluzione della questione della terra a una commissione speciale di 10 senatori, anziché al popolo. Alla commissione incombeva di stabilire i

limiti della terra pubblica e se risultasse in uso dai privati, di restituirla allo Stato. Dopo di che questa terra andava divisa in particelle e in parte venduta, in parte data in affitto per 5 anni, assegnandone i mezzi ricavati alle spese militari (8. 73. 3). Un'altro senatore A. Sempronio Atratino propose di determinare quale terra dovesse rimanere comune per tutti e quale invece dovesse essere divisa fra i plebei (8. 75. 3). Bisogna fra l'altro sottolineare la proposta più importante di Sempronio Atratino, che l'attuazione di tutte quelle misura fosse affidata già ai nuovi consoli poichè quelli in carica non avrebbero avuto sufficiente tempo per questo (8. 75. 4). La proposta fu accettata con una sostanziale riserva: se più tardi nelle campagne comuni si fossero conquistate delle terre, che una parte se ne sarebbe distribuita fra quelli che avevano parità di diritti con i Romani e fra gli alleati (8. 76. 2). I questori dell'anno seguente accusarono Sp. Cassio di aspirare alla tirannide e di conseguenza procedettero alla sua esecuzione.

Così si può dire che, con esclusione di qualche dettaglio, le narrazioni degli autori antichi su Sp. Cassio e la sua *rogatio*, coincidano in generale. Uno storico professionale, tuttavia, non può evitare la questione delle fonti primarie e della attendibilità delle loro notizie. Non disponiamo dei testi degli annalisti antichi, però bisogna tenere presente l'osservazione di B. G. Niebuhr. Egli ha più fiducia in Diodoro che non in tardi autori romani e crede che la tradizione della prima repubblica risalga all'annalista maggiore (che scriveva in greco) Fabio Pittore. Ricordiamo che la scienza l'ha riconosciuto come autore affidabile. Che anche le notizie sulla *rogatio* Cassiana risalgano a lui viene attestato, secondo noi, da due fatti: 1. Cassio fu chiamato in giudizio dai questori tra cui c'era anche Cesone Fabio; 2. Dopo Sp. Cassio durante 7 anni furono eletti continuativamente come consoli dei Fabii, partigiani del predominio patrizio. L'orgoglio di una tradizione antitirannica della *gens* spiega la persistenza della memoria dei Fabii e quindi anche di Sp. Cassio.

Pur essendoci in dottrina, negli aspetti principali, unità di opinione sulla *rogatio* di Sp. Cassio, gli studiosi discordano su due questioni: 1. su quali terre esattamente andavano distribuite; 2. e a chi erano destinate. Ricorderò che secondo Livio, Cassio decise di spartire sia l'*ager publicus* nuovamente conquistato, che quello vecchio, ridistribuendolo in conformità con i *mores maiorum*. Ebbe pertanto un comportamento legittimo. Nell'opera di Dionigi si tratta dell'*ager publicus* recentemente conquistato. Secondo Livio

la terra sarebbe stata destinata alla distribuzione fra plebei e Latini, ma di fatto una parte sarebbe stata restituita agli Ernici. Dionigi parla semplicemente dell'esclusione dalla lista del popolo romano, dei Latini e degli Ernici. L'affidabilità di quest'ultima notizia è spiegata dagli studiosi con la situazione geografica degli Ernici. Alla fine risulta che l'*ager publicus* presente avrebbe dovuto essere distribuito secondo il piano di Cassio ai tre suddetti gruppi. E questo era in contrasto con le tradizioni romane. Giacchè l'*ager publicus*, che rappresentava materialmente l'oggetto principale del *ius commercii*, costituiva il patrimonio dei Romani, patrizi e plebei, benchè con un regime diverso di utilizzazione. I Latini in quanto membri delle Leghe Latine, che praticavano tradizionalmente i matrimoni reciproci, avevano dunque il *ius conubii* in Roma e ottenevano il *ius commercii* attraverso la *rogatio* Cassiana, diventando quindi *cives sine suffragio*. Persino gli Ernici grazie all'alleanza con Roma, ricalcata dal trattato con i Latini, di fatto cominciarono a penetrare nella *civitas* romana partecipando almeno allo *ius commercii*. In pratica la *rogatio* di Sp. Cassio con tutte le conseguenze giuridiche che ne scaturivano rimase non realizzata. Ma essa stimolò lo sviluppo del pensiero giuridico romano contribuendo alla formazione dello *status* politico-giuridico di *civitas sine suffragio*. E fu appunto Sp. Cassio a creare il precedente dell'ottenimento dei diritti della cittadinanza romana dai non Romani, anche se in forma ridotta, tale dunque come quella che di fatto possedevano i plebei romani.

Il progetto di Sp. Cassio violava il principio fondamentale dell'esistenza della *polis* = *civitas* cioè l'autosufficienza della chiusura della comunità dei cittadini. Ma fu proprio questa la strada che prese Roma, a differenza dai Greci che restarono sempre legati alle idee di autarchia e autonomia, a una chiusura che serviva il principio del separatismo. Grazie al superamento di questo principio Roma poté creare una grande potenza nel Mediterraneo e più tardi anche un impero universale. L'inizio di questo processo non si diede nel 381 a. C., ma più 100 anni prima, con la *rogatio* agraria di Cassio nel 486 a. C. Dunque sin dalla nascita della repubblica romana si verificò una chiarissima tendenza all'apertura della *civitas*. La spiegazione di questo fenomeno è una questione a parte. Si potrebbe cominciare a cercarla a partire dalla considerazione delle condizioni naturali della situazione di Roma in Italia, che comportarono delle specifiche tendenze nello sviluppo dell'economia e della mentalità romane.